

УДК 159.964.21

D. Сура

Université Paris X Nanterre
200 avenue de la République 92001 Nanterre Cedex, France
E-mail: cupado@noos.fr

Д. Купа

Университет Париж X – Нантер

PAROLES D’AFFECTS

О ЧЕМ ГОВОРЯТ АФФЕКТЫ

L'article présente du point de vue de la psychanalyse les particularités du travail avec les malades souffrant d'une affection somatique sévère. A l'aide d'un cas concret d'analyse l'auteur prouve que l'affect est un matériel primordial dans le travail avec ce type de patients. Il montre l'importance de l'empathie comme élément de la panoplie du psychothérapeute, tout en soulignant le danger qu'il y a à l'utiliser

Mots clés: affect, processus psychothérapeutique, interprétation, empathie, communication, mort.

В статье с позиций психоаналитического подхода описываются особенности работы с больными, имеющими серьезное соматическое заболевание. На примере конкретного психотерапевтического случая автор доказывает, что аффект является важным материалом при работе с такими пациентами. Показана важность эмпатии как элемента психотерапевтического арсенала, при этом отмечаются и некоторые опасности, возникающие при ее использовании.

Ключевые слова: аффект, психотерапевтический процесс, интерпретация, эмпатия, коммуникация, умирание.

Prendre en charge des malades ayant une grave atteinte somatique: insuffisance rénale, cancer, sida, ce que je fais dans le service de médecine où je travaille, exige bien souvent de les écouter sans pour autant qu'un désir de changement ne soit là, mais parce que la douleur psychique est délabrante, parce que la psyché est mourante. J'écoute ces patients presque malgré eux, j'écoute l'inaudible, j'entends des vérités aussitôt déniées car trop abrasantes. Ma tâche consiste d'abord à les réanimer psychiquement afin de les aider parfois à vivre leur mort, à les faire sortir de la «neutralisation énergétique» [Roussillon, 1999. P. 26] dont parle R. Roussillon. De l'écoute que je propose peut émerger une activité interprétative chez ces sujets qui s'interrogent alors sur leur souffrance, leurs désirs, leur histoire, ce qui les conduit à une dynamique auto-transformatrice soutenue par le transfert, lui-même transformateur.

Работа с больными, имеющими серьезное соматическое заболевание: почечную недостаточность, рак, СПИД – то, что я делаю в терапевтическом отделении, где работаю, – достаточно часто требует того, чтобы их выслушивать, однако без желания что-то изменить, потому что душевная боль является разрушающей, потому что душа умирает. Я слушаю этих пациентов почти вопреки их воле, я слушаю неслышимое, я слышу тотчас же отрицаемые истины, так как они слишком сильно ранят. Моя задача состоит в первую очередь в том, чтобы восстанавливать их душевные силы для того, чтобы иногда помогать им проживать свою смерть, вывести их из «энергетической нейтрализации», о которой говорит Р. Руссийон [Roussillon, 1999. P. 26]. Когда я выслушиваю больных, они начинают задумываться о своих страданиях, желаниях, жизненной истории, и тогда у них может появиться интерпретативная деятельность, что ведет к их преобразованию, поддержанной переносом, который также является преобразующим.

Auscultation et écouter ont la même racine latine: *auscultare*. Auscultation, c'est écouter attentivement les bruits du corps, le cœur qui bat, le rôle du souffle, les vaisseaux. Une auscultation permet de révéler ou de déceler des bruits du corps restés muets jusque-là. Les médecins avec qui je travaille, auscultent le corps du malade. Comme psychanalyste, j'écoute le corps des mots dans la parole du malade. Ce qui donne corps aux mots, c'est l'affect, comme «chair du signifiant et signifié de la chair» [Green, 1973. P. 332] selon la belle expression d'A. Green. J'écoute l'affect porté par la parole là où il laisse se déceler les fêlures des bruits de l'âme ne sachant rien décider encore quant à l'amour et à la haine, quant à l'espérance et à la mélancolie, quant à la résignation et à la vengeance. J'écoute aussi les bruits du corps, rires et pleurs, cris et chuchotements, souffles et gémissements, affects sans paroles qui ne sont pas pour autant muets. Mon écoute tente d'accorder à ce que j'entends une résonance du dedans où l'affect est corde, membrane, instrument musical. J'accorde à l'affect un espace de résonance vibratoire interne afin qu'il puisse prendre la parole, je lui donne la parole. L'affect est accès à la conscience du corps, corps que je possède et qui m'échappe. L'affect est mouvement, rythme corporel et qualité du mouvement, du rythme corporel.

L'écoute convoque une disposition profonde du corps à l'ouverture, ouverture qui ne saurait se confondre avec une disposition simplement empathique pour l'autre. Écouter au plus profond de soi, c'est à la fois vibrer empathiquement avec l'autre et être en bordure du sens ou dans un sens du bord, de l'extrémité.

Si le tact de l'empathie tend à l'abolition de l'intervalle, cherche la continuité, à toucher, l'écoute et l'interprétation détiennent la capacité de jouer et de réinjecter du jeu là, où, tout cherche à raisonner tyranniquement. Si, on peut penser que la prosodie, le ton de la voix touchent par leur rythme ou leur tonalité accordés aux affects du patient, que l'interprétation touche avec des mots, écoute

По-французски выслушивать (аускультировать, *ausculter*) и слушать (*écouter*) происходят из одного и того же латинского корня: *auscultare*. Выслушивать – значит внимательно слушать шумы тела, сердца, которое бьется, хрип дыхания. Аускультация позволяет обнаружить звуки тела, оставшиеся до сих пор немymi. Врачи, с которыми я работаю, выслушивают тело больного. Как психоаналитик я слушаю «тело слова» в речи больного. Тело, плотность словам придает именно аффект, чувство в качестве «плоти означающего и означаемого плоти», согласно красивому выражению А. Грина [Green, 1973. P. 332]. Я внимаю эмоциям, передающимся речью там, где они позволяют обнаружить себя трещинами звуков души, не способной ничего еще решить в деле любви и ненависти, надежды и уныния, смирения и мести. Я слушаю также телесные шумы, смех и слезы, крики и шепот, дыхание и стоны, эмоции без слов, которые, тем не менее, от этого не становятся немymi. Когда я слушаю пациента, я стремлюсь вступить в резонанс с его внутренним миром, в котором чувства – струна, мембрана, музыкальный инструмент. Я придаю эмоциям пространство внутреннего вибрационного резонанса, для того чтобы он смог взять слово, т. е. я предоставляю ему слово. Чувства являются доступом к сознанию тела, тела, которым я обладаю и которое от меня ускользает. Эмоции – это движение, ритм тела, и качество этого движения, телесного ритма.

Слушание вызывает глубокое расположение тела к открытию, такому открытию, которое не должно смешаться с просто эмпатическим расположением к другому. Слушать самой глубиной своей души одновременно означает сопереживать другому и быть рядом с его чувствами, направляться к тому же краю, пределу.

Если чувство сопереживания стремится к уничтожению расстояния, ищет непрерывности, прикосновения, то слушание и интерпретация сохраняют способность играть и заново привносить игру там, где все пытается тиранически рассуждать. Да, можно подумать, что просодия, тон голоса трогают своим ритмом или тональностью, согласованными с чувствами пациента, что интерпретация трогает посредством слов,

et interprétation possèdent toutes les deux l'aptitude à faire ou à défaire les représentations.

Quant au cadre, il permet de contenir l'errance, le jaillissement du rythme lorsque se défont et se font les représentations. Il permet le tempo et fait oublier le temps qui se transforme alors en mémoire, il permet le voisinage des souffles et des essoufflements de l'affect, d'approcher l'informe, l'extrême.

Je tente d'expliquer:

- d'abord, comment les affects de douleur de Sébastien lui ont parlé, m'ont parlé, clinique du processus d'affectation porté par la parole puis se déliant de la parole chez un patient atteint d'un cancer qui va mourir;

- ensuite, je propose un essai de réflexion sur l'affect et ses liens au corps et à la parole, sur son écoute, en partant de la clinique proposée. Je n'aborde pas d'autres cliniques de l'affect, comme celle de la pensée opératoire par exemple.

Sébastien: j'ai écouté ses douleurs

Sébastien: grand, beau, à peine 50 ans, brillant, dans un climat chaotique d'angoisses, de frayeurs qui l'empêchaient de rester assis dans son fauteuil, m'a demandé de l'aider à guérir, sachant qu'avec un cancer comme le sien, il avait «dix pour cent de chances de s'en tirer». Dans le cas où nous échouerions, il me priait de l'accompagner dans la mort,

слушание и толкование обладают способностью создавать или разрушать представления.

Что касается обстановки, она позволяет сдерживать блуждание и фонтанирование ритма, когда разрушаются и возникают представления. Она позволяет сохранить динамику развития событий и заставляет забывать время, которое превращается в память, она создает возможность чередования всплесков и спадов эмоций, а также позволяет приблизиться к бесформенному, запредельному.

Я постараюсь объяснить:

- вначале, каким образом чувства боли и страдания говорили с моим пациентом Себастьяном, говорили со мной; клиническую картину процесса порождения и развития аффектов, первоначально выраженных в речи, а далее отделяющихся от речи умирающего пациента, больного раком;

- затем, я приведу мои размышления об эмоциях, их связях с телом и с речью, об их выслушивании, исходя из предлагаемой клинической картины. Я не рассматриваю другие клинические картины аффектов, таких как, например, оперативного мышления¹.

Случай Себастьяна: я выслушала его страдания

Себастьян: высокий, приятной внешности мужчина, едва достигший 50 лет, яркий, пребывающий в хаотичной атмосфере тревог, страхов, которые ему мешали усидеть на месте. Он попросил меня помочь ему вылечиться, зная, что с таким раком, как у него, «выбраться один шанс из десяти». В случае если мы потерпим неудачу, он меня попросил сопровождать его на

¹ Оперативное мышление (pensée opératoire) – понятие, введенное в 1962 г. психоаналитиками Michel de M'Uzan и Pierre Marty для обозначения психической организации, для которой характерны: неспособность выразить эмоции словами, лишенная эмоций речь, трудности в нахождении связи пережитых событий и эмоций, бедное воображение, неспособность к самоанализу. Такой способ психического функционирования может временно появляться в особых условиях у любого человека или быть основным или даже единственным у некоторых индивидов. Пациенты, задействующие такой тип мышления, отдают предпочтение рассудку, фактам и действиям, испытывают трудности в вербализации и общении, устанавливают нейтральные контакты с окружающими, им с трудом удается проработать или вытеснить свои конфликты. Они сосредотачиваются на телесных симптомах и мало говорят о своих чувствах. В целом данное понятие сходно с появившимся позднее понятием алекситимии (примеч. пер.).

puisque c'était ainsi que les professionnels disent ces choses et surtout de « ne pas le lâcher au bord du précipice. » Il ne tenait pas à mourir comme un « con », voulait « découvrir sa vérité, seul moyen de s'en sortir, dans tous les cas ». J'ai accepté en raison de la manière dont il voulait prendre en main sa fatale destinée, de son courage qui n'était pas de la frime, et d'un certain mouvement de révolte qui m'animait: « Un type comme lui, à cet âge, c'était pas juste ». Nous avons mené ainsi un travail de quelques mois, d'abord chez moi, puis à son domicile où il est mort.

Il a commencé par remplir mon bureau en évoquant de nombreuses femmes, tellement notre tête à tête était source des affects de frayeur, le mouvement transférentiel m'évoquant une sorte de variante du « Motif du choix des coffrets » [Freud, 1913/2005]¹ dans lequel étaient prises dans un jeu de superpositions, d'ombres et de lumières « la déesse de l'Amour » et la déesse de « la Mort ». Premier enfant d'une fratrie de quatre, il était le préféré de sa mère qu'il décrivait comme « opprimente ». Elle lui avait « empoisonné » la vie avec « son affection dépressive » au même titre que son cancer l'empoisonnait lentement à présent. L'envahissement des métastases prit aussi l'allure de l'envahissement de son petit carnet par mes initiales pour des rendez-vous qu'il s'inventait. Il notait « D. K. » moins dangereux que « D. C. » qui marquait à la fois ses désirs de mort à mon égard et la crainte que cela ne se retourne contre lui dans l'horreur de son

пути к смерти (именно так говорят об этих вещах специалисты), и прежде всего « не бросать его на краю пропасти ». Он не хотел умереть « как дурак », хотел « найти свою правду – свой единственный способ выпутаться, в любом случае ». Я согласилась на работу с ним. На меня произвело впечатление то, как он хотел взять в свои руки свою неизбежную участь, его непритворное мужество. Кроме того, меня побуждало некоторое чувство возмущения: « Как с таким человеком, в таком возрасте, могло случиться подобное? Это же не справедливо ». Таким образом, мы проработали несколько месяцев, вначале у меня, затем у него дома, где он и умер.

Вначале у меня было впечатление, что он заполнил пространство моего кабинета образами многочисленных женщин, так как наш разговор с глазу на глаз был источником сильного чувства страха. Перенос напомнил мне вариант « Мотива выбора ларца » [Freud, 1913/2005]¹, т. е. игры теней и света, куда были вовлечены богини Любви и Смерти. Он был старшим из четырех сыновей, любимцем своей матери, которую он описывал как « гнетущую ». Она ему « отравила » жизнь своей « депрессивной любовью », точно так же как теперь его медленно отравлял рак. Инвазия метастазов приняла вид вторжения моих инициалов, которые он сам выдумал, в его записную книжку для встреч. Он писал не « D. C. » (*Dominique Cupa*), а « D. K. », как менее опасный вариант, что одновременно означало его желание моей смерти и страх, что это обернется против него ужасом собственной смерти (по-французски сочетание букв *DC* ассоции-

¹ Le thème des trois coffrets illustre la tendance à substituer le thème de l'amour au thème de la mort. Après l'évocation des trois formes féminines qui se succèdent dans la vie de l'homme, la mère génitrice, la femme compagne érotique et la terre-mère-mort, Freud nous propose une représentation du vieux roi Lear: « Mais le vieil homme cherche en vain à saisir l'amour de la femme, tel qu'il l'a d'abord reçu de la mère; c'est seulement la troisième des femmes du destin, la silencieuse déesse de la mort, qui le prendra dans ses bras » [Freud, 2005. P. 65].

¹ Тема трех ларцов иллюстрирует тенденцию подмены темы любви темой смерти. После упоминания трех женских воплощений, которые сменяют друг друга в жизни мужчины – матери, дающей жизнь, эротичной возлюбленной и матери-земли-смерти, Freud предлагает нам образ старого короля Лир: « Однако напрасно старик добивается любви женщины в том виде, в каком он получил ее от матери; лишь третья из олицетворяющих судьбу женщин, молчаливая богиня смерти, примет его в свои объятия » [Freud, 2005. P. 65] (цит. по рус. пер.).

décès. Cependant, à cette époque, où j'avais commencé à me rendre chez lui, lorsque j'arrivais il n'était pas prêt à me recevoir, encore en train de faire sa toilette etc. (Notre travail s'est achevé pendant les derniers mois, au domicile de ce patient. C'est très exceptionnel que je fasse ainsi car le plus souvent les patients meurent à l'hôpital. Sébastien a voulu mourir chez lui, parmi les siens, et un dispositif médical fut mis en place dans ce sens. Il souhaita que nous continuions notre travail chez lui «jusqu'au bout» que je ne «le lâche pas», ce qui avait été sa demande depuis le début. Dans ce contexte j'ai accepté parce que, tout particulièrement avec ces patients, le maintien de la continuité de la prise en charge me paraît centrale.)

Il me parla assez peu de son père, mort lorsqu'il était encore jeune. Il m'en proposa une image idéalisée qui lui servit de modèle dans le management de son entreprise et dans la façon dont il choisit de mourir.

Marié depuis de longues années avec Camille, ils avaient deux filles de 14 et 7 ans. Camille était «la femme des soins» pour la maison, les enfants, mais certes pas pour lui, jusqu'au jour où il dut lui demander de passer de la crème sur ses escarres de plus en plus douloureuses. «Cette proximité, cette intimité sont insupportables, et ma haine à son égard est avilissante», me dit-il alors. La nécessité des soins réactivait la séduction maternelle primaire, ses ambiguïtés incestuelles et la haine que provoque la dépendance. La honte des blessures narcissiques ne faisait qu'aggraver la haine. Nous avons pu travailler un peu sur la haine et la honte qu'il éprouvait à l'égard de sa mère. Il put alors demander à Camille de l'aide, «être dans ses bras comme un gros bébé», apprécier ses soins et pleurer avec moi, ce qu'il n'avait jamais pu faire jusqu'alors.

Sur le fond du soutien d'une tendresse devenue possible avec son épouse et un rapprochement psychique avec moi, nous pûmes

руется со словом *décès* – смерть). Между тем в тот период, когда я стала посещать его на дому, обычно в тот момент, когда я приходила, он еще приводил себя в порядок, не готовый меня принять. (Наша работа – в течение нескольких последних месяцев – протекала у него дома. Я очень редко так поступаю, обычно пациенты умирают в больнице. Себастьян же пожелал умереть у себя дома, среди своих, и медицинское обслуживание совершалось у него. Он хотел, чтобы мы продолжили нашу работу у него «до конца», чтобы я его «не бросала», – об этом он попросил меня с самого начала. В сложившихся обстоятельствах я согласилась, потому что, особенно при работе с такими пациентами, сохранение непрерывности ведущейся работы мне представляется главным.)

О своем отце, умершем, когда он был еще молод, он мне говорил довольно мало. Он предложил мне его идеализированный образ, который для него служил примером для подражания в управлении своим предприятием и в том, как он решил уйти из жизни.

Он был уже много лет женат на Камилле, у них было две дочери в возрасте 14 и 7 лет. Камилла была «женщиной, хлопотушей по дому, заботящейся о детях, но не о нем», до тех пор, пока однажды он не вынужден был попросить ее нанести крем на его все более и более болезненные струпья. «Эта близость, эта интимность невыносимы, и моя ненависть по отношению к ней просто унижительна», – сказал он мне тогда. Потребность в уходе возродила ее первичную материнскую привлекательность, ее инцестуозную амбивалентность и ненависть, которую провоцирует зависимость. Стыд за ущемленный нарциссизм только усиливал ненависть. Нам удалось немного поработать над ненавистью и стыдом, которые он испытывал по отношению к своей матери. Он смог тогда попросить у Камиллы помощи, «быть на ее руках как большой младенец», ценить ее заботу и плакать со мной, – то, чего ему до тех пор не удавалось.

На основе поддержки ставшей возможной нежности с его супругой и психологического сближения со мной мы смогли обсуждать обернувшееся против него са-

évoquer la culpabilité retournée contre lui-même que la douleur sortait du silence d'une souffrance intériorisée. Cette plainte chez Sébastien, chez les mourants, liée à une douleur sourde et persévérante, me semble être l'expression de la brutalité de la rencontre du sujet avec le sentiment du désespoir d'avoir perdu l'objet et celui de l'horreur de lui en vouloir à mort par la haine qu'il déclenche. La douleur ultime de la mort rejoint la trace traumatique, expérience d'effroi et de douleur du premier deuil et de la détresse originaire, qu'elle réactualise; elle est une véritable poussée traumatique.

Douleurs de l'arrachement. La réflexion de M de M'Uzan sur «Le travail du trépas» a été très éclairante pour moi. Dans cet article, il décrit, combien les proches peuvent souvent faire défection en raison du travail de deuil qu'ils doivent entreprendre, tandis que chez le mourant se développe une appétence relationnelle, une expansion libidinale et une relation transférentielle intenses. Dans l'histoire de Sébastien, la présence de sa famille et de ses amis fut très remarquable. Elle fut à la hauteur de la générosité et de l'intelligence de Sébastien qui tenta le plus possible de leur rendre sa fin supportable. Pour son entreprise et sa famille il fit toutes les démarches nécessaires pour régler sa succession.

Un transfert très violent, intense va se développer. Mes initiales dans son carnet d'adresse en sont un des premiers signes. Par ailleurs, il faut «qu'il fasse un rempart contre ses amis qui envahissent sa maison et contre l'invasion des métastases». Il se concentre sur la façon dont il va dire au revoir à sa femme, à ses deux filles. Pour Chloé, la plus jeune, c'est plus difficile, «il n'a pas fini sa tâche avec elle, il n'a pas envie de l'abandonner, il ne sait pas comment lui dire au revoir». Il pleure, s'écroule. Il a besoin de moi, il ne s'est jamais laissé aller comme cela. Il se sent affreusement seul. Le cercle de ses investissements libidinaux se resserre, il est trop douloureux, trop à vif. Son univers se rassemble. Nous formons lui et moi une dyade. Ses douleurs et

мого чувство вины, которое боль извлекала из молчаливого страдания, скрытого в глубине души. Эта жалоба Себастьяна, эта жалоба всех умирающих, связанная с глухой и настойчивой болью, мне кажется выражением внезапности столкновения человека с чувством отчаяния от потери объекта и чувством ужаса от осознания смертельной обиды на объект по причине вызываемой им ненависти. Последнее страдание смерти соединяется с травматическим следом, опытом переживания страха и боли первого траура и скорби, которые оно реактуализирует; оно – настоящий травматический толчок.

Болезненная сепарация. Размышления де М'Юзан в статье «Труд умирания» мне многое открыли. Он описывает, как родственники зачастую могут отстраняться по причине работы траура, которую они должны совершить, в то время как у умирающего развиваются объектное влечение, экспансия либидо и выраженные отношения переноса. В случае Себастьяна присутствие его семьи и друзей было замечательным. Оно было под стать щедрости и рассудительности Себастьяна, который старался как мог сделать свою кончину терпимой для них. Он сам сделал все необходимое, чтобы уладить все вопросы наследования для своего предприятия и своей семьи.

Начинал развиваться интенсивный, мощный перенос. Мои инициалы в его адресной книге были первым тому подтверждением. К тому же ему «нужно было выстроить стену, чтобы защититься от друзей, вторгающихся в его дом, и от инвазии метастазов». Он сосредотачивается на том, как он попросится со своей женой и двумя дочерьми. С младшей, Хлоей, будет труднее, ведь «он не завершил отцовский долг по отношению к ней, он не хотел ее покидать, не знал, как проститься с ней». Он плачет, сокрушается. Он нуждается во мне, он никогда так не распускался. Он чувствует себя невероятно одиноким. Круг его либидинозных привязанностей сужается, он становится слишком болезненным, ранимым. Его мир замкнулся. Мы с ним сформировали диadu. Его боли и тревоги все больше свиде-

ses angoisses se font de plus en plus abandonniques, il pleure beaucoup, il supporte très mal que je le quitte et j'ai de plus en plus des difficultés à partir. Il me traite d'«arrache-cœur». Il parle de moins en moins.

De M'Uzan suggère que l'objet élu soit capable de s'exposer sans angoisse excessive au large mouvement captatif qui tend à l'envelopper entièrement, autrement dit qu'il n'y ait pas entre ce qu'il est et sa représentation dans l'esprit du patient une trop grande hétérogénéité. «Le mourant forme ainsi avec son objet ce que j'appellerai sa *dernière dyade*, par allusion à la mère dont l'objet pourrait bien être une dernière réincarnation» [De M'Uzan, 1976. P. 194]. Il est bien évident que tous les mourants ne manifestent pas un tel appétit, certains s'éteignent doucement, d'autres se cloîtent dans un isolement absolu, se mettant avant terme dans leur caveau. Avec Sébastien, j'ai essayé d'être une mère suffisamment bonne, lui proposant par l'environnement que je représentais: mélodie de ma voix surtout: un holding qui lui a permis de «se laisser tomber dans mes bras» puis «de mes bras» et ainsi, de faire peut-être moins douloureusement le grand saut en lâchant ses investissements narcissiques et libidinaux. Je note alors les quelques phrases qu'il prononce: «Il veut bien mourir mais il ne sait pas comment faire, c'est une grande première pour lui, il n'est pas un "pro" de la mort». «Ce qui est douloureux pour lui, c'est d'avoir à faire le deuil de Chloé, qui est une nouvelle histoire d'amour, toute fraîche.» «S'accrocher à la vie, c'est s'accrocher à des barreaux». Il dira cela en s'agrippant à mon regard. Les notes que j'écris me permettent de mieux tenir le coup.

Quelques semaines avant sa mort, nous sommes plongés, je dis bien «nous», dans une atmosphère d'inquiétante étrangeté particulièrement contaminante. Sébastien (je l'ai aussi remarqué chez d'autres patients proches de la mort) se sent menacé par un double. Il s'agit bien de lui, mais ce double a un visage diabolique, gris. Il sent par moments cet autre

тельствуют о страхе быть покинутым, он много плачет и плохо переносит момент расставания со мной, а мне все сложнее становится уходить. Он называет меня «бессердечной». Он разговаривает все меньше и меньше.

Мишель де М'Юзан предполагает, что избранный объект должен быть способен без чрезмерной тревоги отдаться этой эгоцентрической тенденции, которая стремится захватить его целиком. Иными словами, расхождение между тем, что объект собой представляет, и его образом в сознании пациента должно быть минимальным. «Так умирающий формирует с объектом то, что я назвал бы *последней дуадой*, по аналогии с матерью, последним воплощением которой мог бы стать объект» [De M'Uzan, 1976. P. 194]. Конечно же не все умирающие ведут себя подобным образом: некоторые медленно угасают, другие замыкаются в абсолютной изоляции, хороня себя раньше времени. В случае Себастьяна я старалась быть достаточно хорошей матерью, позволяя ему, благодаря создаваемой атмосфере – прежде всего за счет своего монотонного протяжного голоса, – «упасть в мои руки», потом «выскользнуть из моих рук» и, таким образом, за счет реализации нарциссических и либидинозных влечений, сделать, возможно, менее болезненным большой скачок. В связи с этим процитирую несколько фраз, которые он произносил: «Я согласен умереть, но не знаю, как это сделать. Для меня это большая премьера, ведь я не "эксперт" в смерти». «Самое болезненное для меня – это скорбеть по Хлоэ, ведь это моя новая, совсем свежая любовь». «Цепляться за жизнь – это цепляться за ее решетки». Он произнес это, пытаясь поймать мой взгляд. Записи, которые я делаю, позволяют мне устоять в этот момент.

За несколько недель до его смерти мы – я сознательно говорю «мы» – погрузились в тревожную атмосферу, особенно заражающую своей необычностью. Себастьяну казалось, что его преследует двойник. Я замечала такое и у других пациентов, близких к смерти. Этот двойник – точная его копия, только с дьявольским серым лицом. В те моменты, когда он чувствовал

lui-même, il est froid. La frayeur que le double provoque est telle qu'il se lève, va voir dans la pièce voisine s'il n'est pas là, me demande s'il n'est pas fou. Je pense alors qu'il a des métastases cérébrales, ce qui n'est pas le cas, et ce n'est pas non plus la morphine qu'il gère lui-même très bien et permet que les douleurs somatiques «l'encombrent» peu.

Il m'apparaît que le double est un «opérateur psychique» [Ritz, 1991] par lequel d'une part, le sujet tente de se «présenter» (et non pas de se «re-présenter», car cela signifierait un déjà connu) sa propre mort, et d'autre part, que, par un effet d'un clivage du Moi, le double est mis à distance d'une partie de celui-ci pour le préserver. Sur l'autre partie du Moi sont projetés les contenus inacceptables concernant la mort qu'il essaye de figurer.

La frayeur de Sébastien marque la présence de l'étrangeté de la mort, ce qu'il craint le plus devient de plus en plus présence, familiarité. Le familier peut devenir étranger: je suis appelée à la rescousse, mais il me perd dans l'étrangeté de la situation. Je ne suis pas du côté du double, mais oscille entre les différentes figures de femme du «Motif du choix des coffrets». Il m'apparaît alors que cet affect à la fois douloureux et inquiétant marque la vacillation de l'attache transférentielle, vacillation qui est le signe de l'impossibilité à se représenter sa mort. La douleur de mourir est de fait pur affect, affect seul. Je lui parle à mi-voix de la solitude.

Rapidement, Sébastien a l'impression que tout lui échappe, en particulier la maladie et il a des crises de larmes. Il me parle d'un cauchemar (le seul évoqué): «Des bulles éclatent». Il associe sur son cancer. Il pleure. Puis il paraît affolé. Douleurs à l'idée du moi qui se désagrège, soutenues par les fantasmes sur le cancer. Effondrement.

этого второго себя, его бросало в холод. Себастьяна охватывал такой ужас, что он поднимался, шел в соседнюю комнату, чтобы убедиться, что двойника там нет, и спрашивал у меня, не сошел ли он с ума. Я подумала, что у него церебральные метастазы, но причина была не в этом, и даже не в морфине, который он сам себе отмерял, чтобы телесные боли меньше его «обременяли».

Я полагаю, что двойник – это своеобразный «психический оператор» [Ritz, 1991], выполняющий двойную функцию: с одной стороны, посредством него пациент пытается себе вообразить собственную смерть (именно «вообразить», а не «представить»), так как последнее означало бы восприятие уже знакомого), а с другой стороны, как эффект расщепления Эго двойник представляет собой часть Эго, отчужденную для того, чтобы ее сохранить. В эту часть Эго проецируется не принятое пациентом содержание, связанное со смертью, которое он пытается передать аллегорически.

Ужас, охвативший Себастьяна, указывает на присутствие странности смерти: то, чего он больше всего боится, все более присутствует в настоящем и становится знакомым. Знакомый может стать чужаком: он зовет меня на помощь, но теряется в необычности ситуации. Я нахожусь не на стороне двойника, но как бы мечусь между разными обликами женщин из «Мотива выбора ларца». Я предполагаю, что это одновременно болезненное и тревожное ощущение свидетельствует о колебании трансферентной привязанности, являющемся признаком невозможности представить себе собственную смерть. Страх смерти – это действительно чистый аффект и только аффект. Я вполголоса говорила ему об одиночестве.

Вскоре у Себастьяна появилось впечатление, что все ускользает из-под его влияния, а особенно болезнь, у него случаются приступы плача. Он рассказал мне о кошмаре (единственном за все время болезни): «Пузыри лопаются». Он ассоциировал это со своим раком. Он плакал. Потом казался обезумевшим. Страх от мысли, что Я упадет, поддерживаемый фантазиями о раке. Упадок духа.

Quelques jours avant sa mort: «Je veux bien mourir, mais si on m'admire... ça donne le vertige» me dit-il. Sa douleur psychique me semble alors cruelle, térébrante, perforante. Il prend très peu de morphiniques, sa douleur physique semblant anesthésiée, et il ne prend que peu de tranquillisants. Il veut être jusqu'au bout présent à sa mort, la vivre. A certains moments il pousse des sortes de hurlements qui me paraissent sans fin, sans fond et s'accroche à mon regard effrayé. Je qualifie ses affects en étant très attentive au timbre de ma voix à peine audible. Ma voix va progressivement le quitter, comme nous baissons progressivement le ton des chansons lorsque nous endormons les enfants. La douleur de mourir est liée à l'insoutenable idée de la perte de soi comme chute hors du monde. Mourir implique l'effacement de la trame, du tissage plus ou moins fin, ténu, de notre enveloppe psychique dans ce qu'elle a de continu, malléable, perméable, stable, tissu vivant sur lequel les impressions, les identifications viennent s'inscrire dans leur diversité et variabilité. Cette matrice doit se rompre, larguer les amarres du sentiment d'appartenance, d'identité, de lien, de relation à l'autre. L'effacement, le désinvestissement face à la grande brisure se fait d'autant mieux qu'il est pris dans les mailles du rythme de la tendresse, ce support maternel qui permet l'endormissement dont parle M. Fain.

Etre ainsi passeur, nécessite d'accepter d'entrer avec le mourant dans le monde inquiétant des «cris et chuchotements», mais la disponibilité importante, la continuité psychique que l'on tente de maintenir à son égard requièrent en plus des modalités particulières de l'investissement d'objet, la prise de conscience du triomphe narcissique qu'implique cette mort pour nous: nous resterons quant à nous du côté de la vie.

Lors de mes deux dernières visites, Sébastien était dans son lit, un peu agité, silencieux. La mort était trop proche pour en parler, et nous le savions. Le transfert était particulièrement intense, je le comprenais comme une sorte d'ultime adresse à sa mère, «Maman» crient souvent les mourants. Le contre-transfert, dans ces moments là, me semble être

За несколько дней до его смерти: «Я согласен умереть, но если мной будут восхищаться... от всего этого кружится голова», – говорил он мне. Его душевная боль казалась мне жестокой и сверлящей. Он принимал очень мало морфина (телесная боль, казалось, утихла) и ничего, кроме небольшой дозы транквилизаторов. Он хотел присутствовать до самой своей смерти и прожить ее. Время от времени он издавал такие крики, которые представлялись мне бесконечными и бездонными, и ловил мой испуганный взгляд. Я обозначала его чувства, особо внимательно следя за тембром моего едва слышимого голоса. Мой голос постепенно покидал его, как пение становится все тише, когда убаюкивают ребенка. Страх смерти связан с невыносимой идеей потери себя как выпадения из мира. Смерть предполагает разрыв нити жизни, более или менее тонкой ткани нашей телесной оболочки, со всем ее постоянством, пластичностью, уязвимостью и прочностью – живой ткани, исписанной разнообразными и переменчивыми впечатлениями и идентификациями. Эта матрица должна разорваться, положив конец чувству принадлежности, идентичности, связи с другим. Постепенное стирание, отстранение перед лицом великой пропасти лучше проходит в атмосфере нежности, этой материнской поддержки, дающей возможность тому засыпанию, о котором говорит М. Фэн.

Роль подобного проводника предполагает необходимость согласиться войти вместе с умирающим в тревожный мир «криков и шепотов». Однако наше постоянное физическое присутствие и непрерывность души, которую мы, со своей стороны, стараемся сохранить, требуют помимо частных видов привязанности к объекту еще и осознания нарциссического триумфа, который эта смерть означает для нас: мы ведь остаемся на стороне жизни.

Во время двух моих последних визитов Себастьян был в постели, несколько беспокоеен и молчалив. Смерть была слишком близка, чтобы о ней говорить, и мы это знали. Перенос был особенно интенсивен, я видела в этом что-то вроде последнего обращения к матери. «Мама» – часто кричат умирающие. Контрперенос в эти мо-

une vague déferlante qui entraîne avec elle les rejets d'anciennes ambivalences et la culpabilité associée. Dans le creuset des silences nous avons fini notre travail. Ses regards et mes regards seuls parlaient.

Traces immortelles. Après quelques mois, Sébastien me dit: «Vous écrirez sur moi, n'est-ce pas?». Son image est restée dans ma mémoire, je le rends vivant aujourd'hui. La douleur de sa mort proche lui faisait poser la question des traces laissées dans la mémoire des autres, la mienne, traces vives ou simples éraflures, mais traces qu'il souhaitait réelles, vivantes. Le pire était l'idée de l'anéantissement de sa vie sans que persiste une trace symbolique de lui-même comme effet et fruit de ses actes de filiation, de pensée, de création. Cette petite partie détachable de lui-même devait être vouée à l'immortalité en lien avec l'intérêt de ceux qui l'aimaient et lui survivraient. Elle se trouvait en même temps liée à la reconnaissance de sa perte. Un autre mécanisme défensif de clivage, non lié au double, que je retrouve toujours chez les mourants, permet au moi d'un côté d'accepter et de l'autre de dénier la réalité de la mort, en particulier par ces fantasmes d'omnipotence que sont les fantasmes d'éternité. Ils permettent une sorte de retour à l'hallucination paradisiaque de la pleine satisfaction, face à la douleur et la détresse à surmonter qui ouvrent l'espace de la trace traumatique comme mémoire origine.

Lorsque Sébastien m'a fait cette demande, j'ai associé sur *L'écriture du désastre* titre du bel ouvrage de M. Blanchot. Le désastre dit M. Blanchot est «rupture avec l'astre»; notre mort est «au-delà du désastre» [Blanchot, 1980]. Pour ce qui me concerne, je pense que la mort est un désastre, mais le travail de séparation qu'elle impose peut être «viable»

менты кажется мне бушующей волной, увлекающей за собой последствия прежней амбивалентности и связанное с ней чувство вины. Мы завершили свою работу в очищающем молчании. Говорили только наши взгляды.

Вечные следы. Через несколько месяцев после начала работы Себастьян мне сказал: «Вы ведь напишите обо мне, не так ли?». Его образ остался в моей памяти, и теперь я оживляю его. Страх близкой смерти сделал его особенно озабоченным следами, которые он оставил в памяти других, в частности в моей: неважно, глубокие следы или просто царапины – он хотел, чтобы они были реальными и живучими. Самой ужасной казалась идея уничтожения его жизни без подобного символического следа как плода его привязанностей, мыслей, творений. Эта маленькая часть, отделенная от него самого, была обречена на бессмертие, вместе с интересом тех, кто его любил и мог его пережить. В то же время она предполагала признание его скорой кончины. Другой защитный механизм диссоциации, который я часто обнаруживаю у умирающих, не связанный с созданием двойника, позволяет Эго, с одной стороны, принимать, а с другой – отрицать реальность смерти, в частности в подобных фантазиях о всемогуществе, коими являются мысли о бессмертии. Они позволяют предаться райской иллюзии о полном удовлетворении перед лицом необходимости преодоления боли и отчаяния, которые открывают пространство травматического следа как память о происхождении.

Когда Себастьян сделал мне подобное предложение, я вспомнила «Писание о катастрофе», название великолепного труда М. Бланшо. Катастрофа, – говорит Бланшо, – это «разрыв со светилом»¹; наша смерть находится «по ту сторону катастрофы» [Blanchot, 1980]. Я, в свою очередь, полагаю, что смерть – это катастрофа, но та работа по сепарации, которую

¹ От итал. *disastro* – «бедствие, беда», букв. «под несчастливой звездой». От *dis-* (приставка, означающая разделение, разъединение) + поздн. лат. *aster* (от др.-греч. – «созвездие, звезда, Сириус») (примеч. пер.).

à travers des liens tissés sur des zones de contact qui peuvent être élémentaires. Ils bercent, apaisent et font trace des dernières rencontres. Ils permettent que le travail de l'adieu ne soit pas vécu comme un impossible arrachement, source d'une hémorragie et d'un désespoir sans nom, mais comme un moment sacré où l'âme des choses devient sensible dans la lente métamorphose du lien. La présence devient alors support d'une possible absence éternelle.

Ecoute de l'affect

L'affect suture corps et psyché. Avec Freud, on peut considérer une première définition de l'affect comme étant un *quantum*, une quantité d'excitation qui peut, soit s'épuiser dans la décharge, soit être soumise à la liaison qui exige le préalable de la réduction quantitative dans la recherche du plaisir. Mais, une seconde définition s'impose sur laquelle après Freud, A. Green, J. McDougall, C. Parat, R. Roussillon et d'autres ont insisté. L'affect est une décharge en partie orientée vers l'intérieur du corps qui comprend la perception de mouvements internes et les sensations de la gamme plaisir-déplaisir. Ainsi l'affect apparaît selon un double versant: un versant corporel et un versant psychique qui lui-même est clivé en deux: une activité d'auto-observation du changement corporel, du mouvement, résultat d'une activité spéculaire sur le corps et un aspect qualitatif: le plaisir-déplaisir. L'affect apparaît alors comme une expérience corporelle et psychique, dans laquelle la première est la condition de la seconde. Je pense que l'affect suture corps et psyché¹. L'expérience corporelle se produit à l'occasion de la décharge interne, mouvement qui révèle le sentiment d'existence du corps qui sort alors de son silence, le corps parle, mon corps parle. Ce versant de l'affect

она нам навязывает, может быть «жизне-способной» благодаря первичным связям, соединяющим зоны контакта. Они смягчают боль, успокаивают и оставляют след в качестве последних встреч. Благодаря им, работа прощания переживается не как невозможный разрыв, источник кровопотери и неопишемого отчаяния, а как сакральный момент, когда сущность вещей становится видимой в медленном превращении связи. Так, присутствие становится поддержкой для потенциального вечного отсутствия.

Выслушивание аффекта

Аффект соединяет тело и душу. Можно, вслед за Фрейдом, определить аффект как некую долю возбуждения, которое может или иссякнуть в результате разрядки, или оказаться связанным, что предполагает в качестве предварительного условия количественную редукцию в поиске удовольствия. Но необходимо и второе определение, на котором после Фрейда настаивают А. Грин, Дж. МкДугалл, С. Пара, Р. Руссийон и др. Аффект – это разрядка, частично направленная вовнутрь тела, включающая восприятие внутренних изменений и ощущения удовольствия-неудовольствия. Так, аффект проявляет себя в двух аспектах: в телесном и в психическом, который, в свою очередь, также расколот на два: активность самовосприятия телесного изменения как результат зеркальной активности, направленной на тело, и качественный аспект: удовольствие-неудовольствие. В таком случае аффект предстает как переживание одновременно телесное и психическое, где первый аспект есть условие второго. Я полагаю, что аффект соединяет тело и психику¹. Телесное переживание возникает в случае внутренней разрядки, изменения, открывающего нам существование тела, которое прерывает свое молчание, тело начинает говорить, мое тело начинает говорить. Эта сторона аффекта позволяет пациенту

¹ А. Green parle de clivage entre la partie corporelle et la partie psychique de l'affect.

¹ А. Грин говорит о раздвоении между телесной и психической сторонами аффекта.

permet au sujet de prendre conscience de son corps en tant qu'il en est propriétaire, mais aussi en tant qu'il lui échappe, le moi ne peut le contrôler. Processus de psychisation qui s'enrichit de la gamme du plaisir-déplaisir auquel l'affect introduit le corps. Expérience du plaisir-déplaisir, de la qualité, qui est spécifique de l'éprouvé d'affect, expérience psychique partant d'une parole donnée, le concept «d'angoisse signal» par exemple.

L'affect se développe, se transforme, plaisir et déplaisir se confondent, inhibent l'autre, le remplacent, etc., mais cette double polarité toujours présente n'est valable que pour la conscience. Qu'en est-il alors de l'inconscient? Ne peut-il se manifester par l'affect, en saisissant le Moi, le surprenant, l'interrogeant? Je reprends cette question plus loin.

L'affect prend la parole. Si l'affect a une orientation interne, il est aussi orienté vers l'autre, il est à la fois message pour l'interne et message qui peut s'adresser. C'est à A. Green que l'on doit d'avoir souligné la représentance de l'affect. Il introduit l'affect dans le discours comme un «tenant lieu de représentation», comme un «signifiant» accompagné de son énergétique, énergétique qui conduit aux investissements et lui donne sa vivacité: le discours est «vivant», «*Discours vivant*», c'est ainsi que s'intitule son ouvrage sur l'affect. A. Green donne la parole à l'affect. Si, l'énergétique affective donne la parole au corps, elle nourrit aussi le discours, prend la parole en lui donnant corps. Tant qu'il apparaît comme élément de discours, l'affect se soumet au discours, tout en se rattachant aux autres éléments qui le compose. Sous l'effet des tensions internes / externes l'affect joue avec la représentation, la recouvre, l'abolit, en tient lieu. Cependant, l'affect peut aussi désorganiser la parole jusqu'à l'inintelligible, l'indicible du retour au corporel, l'affect se déliant alors de la parole. Lorsque l'affectrompt avec la représentation et prend sa place,

осознать свое тело в той степени, в которой оно ему принадлежит и в какой оно ускользает из-под влияния и контроля Эго. Процесс осознания обогащается переживанием удовольствия-неудовольствия, в которое аффект вовлекает тело. Переживание удовольствия-неудовольствия – качество, специфичное для испытанного аффекта, психическое переживание, исходящее из данного слова, например понятия «сигнальной тревоги».

Аффект развивается, трансформируется, удовольствие и неудовольствие смешиваются, подавляют друг друга, меняются местами и т. д., но эти два вечно присутствующих полюса существуют только для сознания. А что тогда происходит в бессознательном? Возможно, оно проявляется в аффекте, захватывая Эго, ошеломляя его и стремясь найти в нем ответ? К этому вопросу я вернусь позже.

Аффект берет слово. Если аффект ориентирован вовнутрь, то он также направлен на другого, он одновременно является посланием для внутреннего мира и посланием, которое может быть кому-то адресовано. Заслуга А. Грина состоит в том, что именно он подчеркнул репрезентирующую функцию аффекта. Он вводит аффект в речь в качестве «заменяющего представление», в качестве «означаемого», сопровождаемого своей энергетикой, ведущей к влечениям и придающей ему свою живость: речь является «живой». «Живая речь» – именно так называется его работа, посвященная аффектам. А. Грин дает слово эмоциям. Если аффективная энергетика дает слово телу, она также подпитывает и речь, берет слово, давая слову телесную оболочку. В качестве элемента речи аффект подчиняется речи, связываясь с другими ее элементами. Под влиянием внутренних и внешних напряжений аффект играет с представлением, скрывает его, уничтожает его и занимает его место. Однако аффект может также полностью дезорганизовать речь до состояния невразумительности, невыразимого возврата к телесности, тогда аффект освобождается от связи с речью. Порывая с представлением и начиная его заменять, аффект рискует превратиться в бурный

il risque de se transformer en un torrent qui rompt les digues du refoulement, submerge les capacités de liaison et de maîtrise du Moi.

Ainsi, l'affect appartient à deux catégories: celle de l'économique et celle du symbolique. A. Green rattache la «qualité mouvante», le moteur des distributions, des échanges, des transformations, à la catégorie de l'économique et à celle du symbolique, ses capacités représentationnelles vivifiées par les forces en provenance du corps pulsionnel. L'économique transforme les forces: évitement du plaisir, recherche du plaisir, maîtrise des affects. Le symbolique ne peut s'exercer sans qu'une force alimente les processus de transformation par lesquels il se constitue, mais cette force doit être travaillée pour être opératoire. Les «petites quantités» sont indispensables au fonctionnement de la pensée. Ainsi, force et sens sont solidaires parce qu'ils sont complémentaires, impensables l'un sans l'autre. De ce fait, dans la mesure même où la force crée un rapport de forces, elle est symbolique.

L'affect et le rythme. La dernière page d'«Au-delà du principe de plaisir» m'a toujours intriguée [Freud, 1920/1996]. Freud s'y questionne sur ces tensions qui peuvent être plaisantes ou déplaisantes et qui sont différentes des sensations de plaisir et de déplaisir: ne seraient-elles pas en relation avec la grandeur absolue de l'intensité de l'investissement, tandis que la série plaisir-déplaisir indiquerait la modification de l'investissement dans une unité de temps? Dans «Le problème économique du masochisme» Freud reprend sa question sur les tensions où il reconnaît que des tensions peuvent être agréables et il avance que l'aspect qualitatif lié à ce phénomène peut être compris à partir du «rythme» que sont l'écoulement temporel dans les modifications, l'augmentation et les diminutions de la quantité de stimulus [Freud, 1924/1996. P. 12].

поток, который прорывает сдерживающие силы вытеснения и берет верх над интегративными тенденциями и способностью к самообладанию.

Таким образом, аффект принадлежит к двум категориям: категории экономического и категории символического. А. Грин связывает «движущее качество», движущую силу распределения энергий, обменов, трансформаций с категорией экономического и с категорией символического, учитывая, что его репрезентирующая способность подпитывается дополнительными силами, исходящими из совокупности импульсов. Экономические законы изменяют расстановку сил: избегание удовольствия, поиски удовольствия, владение аффектами. Символическое может вступить в игру, только если процессы трансформации, посредством которых он себя формирует, подпитываются какой-либо силой, причем эта сила должна подвергнуться работе, чтобы быть эффективной. «Небольшие количества» необходимы для функционирования мышления. Таким образом, сила и чувство действуют заодно, так как они комплементарны и невообразимы один без другого. Отсюда следует, что в той мере, в какой сила создает соотношение сил, она принадлежит категории символического.

Аффект и ритм. Мое любопытство всегда возбуждала последняя страница «По ту сторону принципа удовольствия» [Freud, 1920/1996]. Там Фрейд размышляет о напряжениях, которые могут быть приятными и неприятными, но отличаются от чувства удовольствия и неудовольствия. Он рассматривает вопрос о том, не связано ли ощущение напряжения с абсолютной величиной интенсивности активной энергии, тогда как удовольствие-неудовольствие указывает на изменение величины этой энергии в единицу времени. Фрейд возвращается к вопросу о напряжениях в «Экономической проблеме мазохизма», где он признает, что ощущение напряжения может быть приятным и предполагает, что связанный с данным феноменом качественный аспект может быть понят исходя из понятия «ритма», представленного развертыванием изменений во времени, уменьшением и увеличением количества стимулов [Freud, 1924/1996. P. 12].

Il me semble intéressant d'interpréter ces «tensions» évoquées par Freud, cette mouvance affective, en partant des travaux de D. Stern sur les affects de vitalité [Stern, 1989]. Il propose une organisation originale de la quantité avec la qualité. L'affect de vitalité représente les caractéristiques de la tension qui se lie aux affects composant la gamme plaisir / déplaisir. Ainsi avons-nous des plaisirs petits ou intenses, des colères froides ou explosives, une angoisse flottante. L'affect de vitalité est finement rendu par des termes kinétiques, dynamiques comme «surgir», «crescendo», «decrecendo», «fugace»¹. Ils constituent une certaine façon de sentir, de percevoir les états internes du corps. Ils colorent ainsi la gamme plaisir-déplaisir.

Les affects de vitalité désignent ainsi selon moi la quantité et la durée d'investissement libidinal et en marquent les variations constituant un premier rythme qui donne un premier accès à la temporalité et structurant la première unité corps / psyché comme figure sémantique primaire². Ils constituent le fond, aux confins du soma, des états pulsatils de l'être.

La mère s'ajuste à ces éprouvés affectifs de son nourrisson: petit plaisir, grande colère, douleur fugace se glissant à l'intérieur de l'état de son bébé, afin d'être dans une certaine continuité psychique avec lui (préoccupation maternelle primaire selon Winnicott). «L'affect éprouvé par le bébé doit être empathisé par sa mère» écrit R. Roussillon [Roussillon, 1999. P. 129]. Ainsi imaginons un

Mne представляется интересным истолковать эти упомянутые Фрейдом «напряжения», эту аффективную подвижность, исходя из работ Д. Стерна о витальных аффектах (affects de vitalité) [Stern, 1989]. Он предлагает оригинальную организацию соотношения качества и количества. Витальный аффект представляет характеристики напряжения, связывающегося с аффектами континуума удовольствия-неудовольствия. Таким образом, мы можем испытывать слабое или интенсивное удовольствие, взрывной или более спокойный гнев, беспочвенную тревогу. Витальный аффект тонко передается кинетическими и динамическими понятиями, такими как «внезапно появляться», «крещендо», «декрещендо», «милолетный»¹. Они составляют некоторый способ чувствовать, воспринимать внутренние состояния тела. Иначе говоря, они окрашивают удовольствие и неудовольствие.

На мой взгляд, витальные аффекты указывают на количество и длительность энергии либидо и обозначают их колебания, представляя собой первый ритм, который первым предоставляет доступ к темпоральности, и структурируя исходное единство тела и души в качестве первичной семантической фигуры². Они представляют собой основу состояний пульсации существа, находясь на краю сомы.

Мать подстраивается под эмоциональные переживания своего малыша – небольшое удовольствие, сильный гнев, милолетное горе, – проникая во внутреннее состояние своего ребенка, для того чтобы пребывать в некоторой непрерывной психической связи с ним (первичная материнская озабоченность, по Винникотту). Как пишет Р. Руссийон,

¹ Ils sont très proches des signifiants formels tel que D. Anzieu les a conceptualisés.

² F. Varela écrit dans l'ouvrage collectif «Somatisation, psychanalyse du vivant» que l'émergence est un équivalent de cognition [1994. P. 307].

¹ Они очень сходны с формальными означающими в понимании Д. Анзье.

² Ф. Варела в коллективной работе «Соматизация, психоанализ живого» указывает, что возникновение нового является эквивалентом познавательной способности [Varela, 1994. P. 307].

nourrisson très en colère qui pousse des cris. Sa mère peut alors lui dire de façon assez forte et à la même vitesse que ses cris: «Tiens, tiens, tu es en colère», ou bien, beaucoup plus lentement et de façon étonnée: «Ah bon tu es en colère.» La mère s'accorde avec la prosodie de sa voix, ou bien la façon plus ou moins rapide de toucher, de bercer son enfant. Elle n'imité pas, mais rend compte de son expérience de résonance affective interne et la remodèle en une autre forme. Elle restitue réflexivement la rythmique interne de l'enfant dans son intensité, sa durée et sa qualité en la reformulant sous forme d'analogons ou de métaphores avec son propre style, son propre rythme affectif. Ainsi, l'enfant peut-il s'approprier les affects parce que reflétés par la mère. Les affects réverbérés par la mère se signifient alors comme «signe» d'affect et non comme affect. L'affect se psychise, c'est une première initiation à la représentance.

Se constituent ainsi les premiers schèmes d'affects organisés par les représentations, les fantasmes inconscients de la mère. Ils sont les organisateurs de l'histoire pré-psychique du bébé, en cela ils constituent selon moi la trame de l'inconscient. Ces premiers schèmes tissés avec la mère sont des scènes originaires d'affects retranscrivant les premières rencontres du bébé avec le monde et qui participent de l'internalisation de l'objet. Comme premiers scripts, on peut penser qu'ils contribuent à la scénarisation des fantasmes originaires. Le «discours affectif» porte les traces de ces premiers liens, «discours» sur les premiers soins que le transfert permet de remettre en scène. Freud n'écrivait-il pas: «Les états d'affects sont incorporés à la vie d'âme en tant que précipités de très anciennes expériences vécues traumatiques et sont évoqués dans les situations similaires comme symboles mnésiques» [Freud, 1924/1996].

L'affect pur, désancré de la parole. Je prends encore un moment pour vous proposer quelques remarques sur «l'affect pur», cette forme d'affect auquel Sébastien m'a fait pensés

«mère doit сопереживать испытываемым младенцем эмоциям» [Roussillon, 1999. P. 129]. Так, представим себе младенца, кричащего в сильном гневе. Его мать может в таком случае достаточно сильно и с такой же эмоциональностью, с какой ребенок издает свои крики, сказать ему: «Смотри-ка, ты рассердился», или же гораздо спокойнее и с удивлением: «Надо же, ты рассердился». Мать гармонирует с просодией своего голоса, быстрее или медленнее прикасается к своему ребенку, укачивает его. Она не подражает, но осознает свой опыт внутреннего аффективного резонирования и воплощает его в другой форме. Она мысленно воспроизводит внутреннюю ритмику ребенка с ее интенсивностью, продолжительностью и качеством, переводя ее в форму аналогов или метафор, придавая ей свой собственный стиль, свой собственный аффективный ритм. Таким образом, ребенок может присвоить себе аффекты в силу того, что они были отражены матерью. Отраженные ею аффекты обозначают себя в качестве «знака» аффекта, а не как аффекты. Аффект осознается, и это впервые принимает на себя репрезентативную функцию.

Таким образом формируются первые аффективные схемы, организованные представлениями и бессознательными фантазиями матери. Они организуют допсихический период жизни младенца, и, по моему мнению, в этом отношении составляют ткань бессознательного. Эти первые схемы, сотканные с матерью, являются внутренним планом, происходящим из аффектов, вновь переписывающих первые встречи младенца с миром и имеющих отношение к интернализации объекта. «Аффективная речь» несет следы этих первых связей, «речь» о ранней заботе, вновь вывести на сцену которую позволяет перенос. Ведь и Фрейд писал: «Аффективные состояния включены в жизнь души в качестве осадка давно испытанных травматических переживаний и повторяются в сходных ситуациях в качестве мнестических символов» [Freud, 1924/1996].

Чистый аффект, не связанный с речью / со словом. Я уделю еще немного времени тому, чтобы представить вам несколько замечаний, касающихся «чисто-

surtout à la fin de notre travail. Cet affect me renvoie à la clinique de *l'hallucination négative* du sujet, telle qu'elle est décrite et théorisée par A. Green. L'hallucination négative se caractérise par une absence d'image de soi, d'une perception de soi, là où celle-ci devrait apparaître. Ce n'est pas tant le sentiment de son existence que le sujet a perdu, mais la preuve spéculaire de celle-ci. Cette absence de représentation du sujet est associée à une montée d'affect d'angoisse à rapprocher de l'angoisse de la perte d'objet. La représentation et l'affect sont dissociés avec disparition du pouvoir de percevoir la représentation, l'affect est vécu avec une intensité maximale, ne pouvant s'appuyer sur aucune représentation.

Dans cette expérience, l'affect d'angoisse traduit l'effort du Moi pour se donner à tout prix une représentation de lui-même, une image au-delà du miroir, de l'autre côté du miroir. Le sujet tente de retrouver sa propre image perdue et l'impossible retrouvaille suscite l'angoisse. Ici, le clivage entre représentation et affect est total, ainsi qu'entre la représentation de soi interne et son absence de projection dans le miroir. Ainsi, lors de l'hallucination négative, l'affect possède à lui seul tout le pouvoir de la représentation. *Tenant lieu de représentation de soi*, il est à la fois constat de ce qui manque à sa place et surgissement de l'horreur qui accompagne le constat.

Lors de la séparation primaire de la mère et de son nourrisson, celle-ci s'efface en tant qu'objet primaire laissant la place aux investissements propres du Moi qui le constituent. L'effacement produit l'hallucination négative qui mobilise le Moi en recherche de représentations. Ce n'est pas pour autant que l'objet maternel disparaît. Il devient «structure encadrante» sur fond d'hallucination négative de l'objet primaire. Les représentations-affects de la mère sont alors profondément modifiées.

го аффекта» – формы аффекта, о которой Себастьян заставил меня особенно задуматься к концу нашей с ним работы. Этот тип аффекта вынуждает меня обратиться к клинической картине *негативной галлюцинации* в том виде, в каком она была описана и теоретически разработана А. Грином. Негативная галлюцинация характеризуется отсутствием образа Я и самовосприятия там, где они должны были бы присутствовать. Человек теряет не столько переживание собственного существования, но доказательство этого существования в виде его отражения. Это отсутствие представленности субъекта сочетается с усилением чувства тревоги о приближении потери объекта. Представление и аффект разъединяются одновременно с исчезновением способности воспринимать представление, тогда аффект переживается с максимальной силой, но не может опереться ни на какое представление.

В этом случае чувство тревоги является выражением усилия Эго любой ценой дать себе образ самого себя, образ по ту сторону зеркала, с другой стороны зеркала. Человек пытается вновь обрести свой собственный потерянный образ, и невозможность этого порождает тревогу. Здесь расхождение между представлением и аффектом тотально, так же как и расхождение между внутренним образом Я и отсутствием его изображения в зеркале. Таким образом, во время негативной галлюцинации аффект единственный обладает всей силой представления. Заменяя образ Я, он одновременно свидетельствует о том, чего не хватает на его месте, и является сопровождающим это свидетельство внезапно появляющимся ужасом.

Во время первичной сепарации младенца от матери последняя в качестве первичного объекта отходит на второй план и освобождает место для собственных привязанностей Эго, которые его составляют. Это отстранение порождает негативную галлюцинацию, мобилизующую Эго на поиск представлений. Однако материнский объект не то чтобы исчезает, он становится «обрамляющей структурой» на основе негативной галлюцинации первичного объекта. Представления-аффекты, относящиеся к матери, подвергаются то-

Elles ne sont plus ces «représentations-cadres» porteuses d'un mixte mère – bébé liées à des affects représentant de la mère, elles ne sont plus ces quasi hallucinations affectives des états de satisfactions et de détresse. Le cadre garantit la présence de la mère en son absence, il sous-tend une absence qui peut alors être remplie par les investissements érotiques et agressifs de représentations du moi et de représentations d'objet.

Je pense que l'expérience de sa propre mort est une expérience de l'hallucination négative inversée. Suffisamment tenu par l'internalisation du cadre maternelle, voire ce qui peut le représenter¹, le mourant peut laisser en quelque sorte la vie s'effaçant, effacer avec elle ses investissements de l'objet et de lui-même, laisser s'effacer les représentations de l'autre et de lui-même dans la rencontre de l'angoisse de la Perte.

**Pour conclure:
partage d'affects**

Accordée à l'état de Sébastien, j'ai maintenu une continuité du cadre, continuité qui est selon Freud et Winnicott la marque essentielle de la tendresse, continuité qui m'a conduite à aller à domicile lorsqu'il ne pouvait plus se déplacer et à conserver dans la mesure du possible la séance hebdomadaire qui durait la plupart du temps quarante-cinq minutes comme je l'ai déjà dit.

Le corps du thérapeute devient alors, à la fois la désignation d'un lieu et la production d'une membrane de résonance visuelle et sonore. Ce lieu devient de plus en plus un lieu polycentré comme s'il devait à lui seul instaurer la situation et se constituer ainsi en lieu polycénique d'engendrement de formes,

гда глубоким изменениям. Они уже не являются «обрамляющими представлениями», несущими единство мать – ребенок, связанными с аффектами-представителями матери, они больше не являются этими аффективными квазигаллюцинациями состояний удовлетворения и тоски. Обстановка гарантирует присутствие матери и ее отсутствие, она лежит в основе отсутствия, которое может быть наполнено эротическими и агрессивными влечениями, исходящими из образа Я и представлений об объекте.

Я полагаю, что опыт переживания своей собственной смерти является опытом переживания негативной галлюцинации в обратном порядке. В достаточной мере поддерживаемый интернализированной материнской фигурой или же тем, что может ее представлять¹, умирающий может в некотором роде оставить жизнь, уходя из нее, уничтожить вместе с ней свои привязанности к объекту и к самому себе, позволить образам другого и себя самого исчезнуть во встрече с тревогой Утраты.

**В качестве заключения:
коммуникация аффектов**

В соответствии с состоянием Себастьяна я поддерживала непрерывность обстановки, которая, по Фрейду и Винникотту, является главным знаком нежности и ради которой я стала приходить к нему домой, когда он уже не мог передвигаться самостоятельно, и по возможности сохранять наши еженедельные сеансы, которые обычно длились 45 минут.

Тело терапевта несет тогда одновременно функцию указания места и формирования мембраны визуального и звукового резонанса. Это место становится все больше и больше местом полицентрованным, как если бы оно одно было ответственным за формирование ситуации и и

¹ En particulier, ce qui s'est tissé entre le patient et son analyste lors de la circulation des représentations et des affects.

¹ В особенности тем, что возникло между пациентом и его психоаналитиком во время обмена представлениями и аффектами.

de sens. Ce lieu de réception majeure alors les affects éprouvés en présence de l'autre.

L'empathie appartient à notre arsenal thérapeutique, elle seule rend possible de conserver le «tact» nécessaire à toute intervention. Remarquons que le mot «tact» désigne en français «le toucher». Le tact cherche le contact, l'abolition de l'intervalle, la précision et la délicatesse du dire. En allemand, «der Takt» exprime aussi la mesure, la cadence en musique et renvoie donc au sens auditif. La langue hongroise met l'accent comme la langue allemande sur la musique. Ainsi, le tact sur lequel Ferenczi a insisté nous conduit-il à la résonance qui signifie l'effet, l'écho produit psychologiquement.

Avec Fabien, certains de mes patients, l'affect plus que les mots, devient le matériel central de mon travail, l'affect se faisant plus que jamais «signifiant de la chair et chair du signifiant» [Green, 1973. P. 332] comme je l'ai précisé au début de mon intervention. L'empathie se dévoile alors clairement dans sa dimension de partage d'affects (C. Parat), voire d'accordage d'affects, accordage que je comprends dans son aspect le plus musical. Mon attitude intérieure se fait alors écoute du mouvement, du rythme, du tempo, de la couleur de la voix qui précisent à eux seuls la proximité de l'affect. Sur le fond troublé, mouvant de mes éprouvés, plus que jamais la sonorité de ma voix, le ton, la scansion de mes paroles, la qualité de mes silences, la tension ou l'affaissement de mon écoute organisent à ce point le cadre de mes interventions. Comme j'ai appris à entendre la musique des diverses expressions de bébés, j'apprends à comprendre la gamme particulière des affects qui renseignent sur mes patients.

могло превратиться в полисценическое место порождения форм и чувств. В этом месте аффекты, испытанные в присутствии другого, становятся более значимыми.

Эмпатия входит в наш терапевтический арсенал, и лишь она позволяет сохранить такт¹, необходимый для любого психологического вмешательства. Стоит отметить, что во французском языке слово «такт» указывает на прикосновение. Такт стремится к контакту, уничтожению расстояния, точности и деликатности в словах. В немецком языке der Takt также выражает меру, музыкальный размер, ритм и отсылает нас к связанному со звуками аспекту значения слова «такт». Венгерский язык, как и немецкий, ставит акцент на музыке. Такт, на котором настаивал Ференци, приводит нас к резонансу, означающему душевный отклик.

В случае с Себастьяном и некоторыми из моих пациентов аффект, скорее, чем слова, становится материалом моей работы, именно «плотью означающего и означающим плоти» [Green, 1973. P. 332], как я уже говорила в начале данной статьи. Тогда эмпатия отчетливо раскрывается в своем измерении, связанном с сообщением аффектов (С. Пара) или даже с настройкой аффектов, которую я понимаю именно в музыкальном аспекте. Моей внутренней позицией становится тогда слушание изменений, ритма, темпа, оттенков голоса, которые сами по себе уже указывают на приближение аффекта. На беспокойном, неустойчивом фоне моих переживаний больше, чем когда-либо, звучность моего голоса, тон, скандирование слов, качество моего молчания, напряжение или ослабление моего слушания организуют атмосферу моих интервенций. Как я когда-то научилась улавливать музыку в различных проявлениях младенцев, так же я учусь понимать особенную гамму аффектов, говорящих мне о моих клиентах.

¹ Такт (чувство меры) – заимствовано из французского языка, где tact происходит от латинского tactus «прикосновение», производного от tangere «прикасаться». Немецкое der Takt, заимствованное в качестве музыкального термина, в свою очередь происходит от французского tact (примеч. пер.)

Le travail que je fais ainsi en accordage d'affects implique une identification partielle et transitoire aux affects du patient qui est donc de l'ordre de l'empathie. Plus encore, il me semble que l'accordage met en jeu mes capacités plastiques à m'imaginer à la fois comme transformant l'autre en changement et comme transformée moi-même par l'autre.

Si le travail d'accordage affectif nécessite une écoute des affects de l'autre et de nous-même dans une sensibilité particulière à la présence du corps de l'autre et de notre propre corps, si les mouvements, les tensions, les modifications qui apparaissent sont perçus renseignant sur certains états, ils sont aussi accompagnés de représentations et de fantasmes permettant d'inscrire notre travail dans le réseau associatif de la séance. Du côté du patient, le «partage» affectif [Parat, 1995] avec l'analyste lui permet, par le biais des identifications, de reconnaître ses affects, de leur donner la parole en leur conférant un sens.

La parole étant de moins en moins organisatrice de l'échange, au transfert dans et par l'appareil de paroles, se substitue de plus en plus une autre forme de transfert: le transfert que l'on pourrait appelé dans et par l'écoute accordée et en accordage avec l'affect. Nous sommes dans ces moments particuliers dans une forme de transfert par retournement, tel qu'il est théorisé par R. Roussillon [Roussillon, 1999], pris comme porte-corps et porte-parole d'affects qui doivent trouver place dans ce lieu que nous proposons. Ce travail qui se soutient de la parole, mais en est aussi désancré, constitue cependant un véritable processus de transformation dans lequel peut s'opérer un transfert du passé, une mise en sens qui a pour particularité de mettre en avant un sens éprouvé, agi et à peine dit, pas dit, mais entendu. Quelle que soit, la problématique sous-jacente, les affects ressentis et donnés à ressentir, prennent place dans les éprouvés contre-transférentiels, à la fois comme répétition de traces anciennes réactivées et comme témoin du transféré, d'affects acceptables / inacceptables pour nous.

Работа, которую я провожу таким образом по настройке аффектов, предполагает частичную и временную идентификацию с аффектами пациента, что связано с эмпатией. Более того, мне кажется, что такая настройка задействует мои гибкие способности представлять себя одновременно как изменяющую другого и как преобразованную другим.

Если работа по аффективной настройке требует слушания аффектов другого и себя самого с особой чувствительностью по отношению к присутствию тела другого и нашего собственного тела, если появляющиеся волнения, напряжения, изменения воспринимаются в качестве свидетельствующих о некоторых состояниях, то они также сопровождаются представлениями и фантазиями, позволяющими вписать нашу работу в ассоциативную сеть сеанса. Со стороны пациента, разделение своих эмоций [Parat, 1995] с психоаналитиком позволяет ему посредством идентификации признать свои аффекты, дать им слово, придавая им смысл.

По мере того как слово все в меньшей степени организует процесс взаимобмена, перенос на основе слова все больше заменяется другой формой переноса, которую можно было бы назвать переносом на основе слушания, согласованного с аффектом. В эти особые моменты мы пребываем в форме зеркального переноса, описанного и теоретически разработанного Р. Руссийоном [Roussillon, 1999], взятого в качестве выразителя тела и слова аффектов, должных найти свое место в том пространстве, которое мы им предлагаем. Эта работа, которая держится за слово, но одновременно является отделенной от слова, представляет собой настоящий процесс преобразования, в котором может происходить перенос из прошлого, оживление чувства, особенность которого состоит в том, что оно выдвигает вперед испытанное чувство,отреагированное и едва высказанное, невысказанное, но услышанное. Какой бы ни была глубинная проблематика, аффекты, испытанные и выраженные так, чтобы их могли испытать другие, занимают свое место в контрпереносных переживаниях одновременно в качестве повторения давних реактивированных следов и в качестве свидетельства того, что было вовлечено в перенос, приемлемых и неприемлемых для нас аффектов.

Si l'empathie donne à l'analyste la possibilité d'éprouver, d'imaginer, de penser les affects des patients, il reste que cette capacité exige une vigilance car elle comporte une capacité prédatrice, un pouvoir d'emprise. L'utilisation de mes éprouvés affectifs avec les patients dans un jeu de co-éprouvés de co-perceptions, comme production contre-transférentielle est toujours nécessairement jumelée à ma neutralité. Ce travail est possible parce qu'une partie de moi-même participe à la relation transféro-contre-transférentielle et une autre partie observe l'autre partie de moi-même grâce à mes connaissances de l'analyse et mon investissement affectif sublimé du patient redoublée contre les pièges de l'identification.

Imaginer ce que peut-être la souffrance de son patient, partager avec lui ses affects, me semble pouvoir se penser en fonction de ce qu'écrivait Freud dans l'«Esquisse» à propos de la part «compréhensible» de l'autre et de son résidu échappant au jugement: la Chose.

Эмпатия дает психоаналитику возможность испытать, представить, помыслить аффекты пациентов, тем не менее эта возможность требует от него бдительности, так как она несет в себе опасную способность – вызывать чувство превосходства. Использование моих эмоциональных переживаний с пациентами в игре сопереживаний и взаимных восприятий как продукта контрпереноса всегда необходимым образом соединено с моей нейтральностью. Эта работа становится возможной потому, что одна из частей меня участвует в отношении переноса-контрпереноса, а другая часть меня наблюдает за первой благодаря моим познаниям в психоанализе и моему аффективному сублимированному влечению к пациенту, усиленная, чтобы противостоять опасностям идентификации.

Как мне кажется, представить себе, каким может быть страдание пациента, разделить с ним его чувства, – означает быть способным думать о себе, как о том, о чем писал Фрейд в «Наброске научной психологии» относительно «понятной» части другого и его осадка, ускользающего от суждения, а именно как о Вещи.

Перевод с французского

М. С. Фомель, Т. И. Олейник, Е. Ю. Ларуковой;
под ред. М. Дебрэнн

Список литературы

- Blanchot M.* L'écriture du désastre. P.: Gallimard, 1980.
De M'Uzan M. Le travail du trépas // De l'art à la mort. P.: Gallimard, 1976. P. 182–199.
Freud S. Au-delà du principe de plaisir // Œuvres complètes. 1920. Vol. 15. P.: PUF, 1996. P. 273–338.
Freud S. Le motif du choix des trois coffrets (1913) // Œuvres complètes. P.: PUF, 2005. Vol. 22.
Freud S. Le problème économique du masochisme (1924) // Œuvres complètes. P.: PUF, 1996. Vol. 17.
Green A. Le discours vivant: la conception psychanalytique de l'affect. P.: PUF, 1973.
Parat C. L'Affect partagé. P.: PUF, 1995.
Ritz J.-J. Clivage et jeu du double dans les représentations de la mort // Topique. 1991. Vol. 48. P. 275–291.
Roussillon R. Agonie, clivage et symbolisation. P.: PUF, 1999.
Stern D. Le sens d'un soi émergent // Le monde interpersonnel du nourrisson. P.: PUF, 1989. P. 57–95.
Varela F. Sciences cognitives et psychanalyse: questions ouvertes // Somatisation, psychanalyse du vivant que l'émergence est un équivalent de cognition / Ed. by I. Billard. P.: Eschel, 1994. 307 p.